

**Анализ дискурсивного пространства
«советского языка» во второй половине
1930-х годов: Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
Doctor of Philosophy (Arts)**

Кэнъитиро Такахаси

Диссертация выполнена на отделении наук о языке и информации докторантуры Токийского университета.

Научный руководитель: профессор Токийского университета
Х. Нисинакамура

Официальные оппоненты: профессор Токийского университета
М. Ура

профессор Токийского университета
Х. Исида

профессор Университета Тоё
К. Яманака

профессор Университета Васэда
Т. Кувано

Ведущая организация: Отделение наук о языке и информации докторантуры Токийского университета

Защита состоялась 8 января 2005 г. в 15 часов на заседании диссертационного совета Токийского университета по адресу: Токио, Мэгуро-ку, Комаба 3-8-1.

С диссертацией можно ознакомиться в офисе отделения наук о языке и информации Токийского университета (Токио, Мэгуро-ку, Комаба, 3-8-1) и в Государственной парламентской библиотеке (Токио, Тиёда-ку, Нагата-тё, 1-10-1).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Изучение «советского языка», получившее большое развитие относительно недавно, в конце 80-х годов XX века, представляет собой проблему большой значимости как для лингвистики, так и для других областей науки.

С точки зрения лингвистики, изучение «советского языка» может пригодиться для выяснения вопросов об отношениях между языком и идеологией, властью, обществом, которые в лингвистической науке раньше часто упускались из виду, но в последние десятилетия становятся крайне актуальными.

Изучение «советского языка» также имеет отношение к переосмыслению истории СССР (в частности культурных явлений сталинской эпохи), которое началось в культурологии только после распада Советского Союза.

Научная новизна работы

Новизна данной работы состоит, прежде всего, в широком охвате проблемы. Лексические, грамматические и стилистические явления «советского языка» изучаются не в отдельности, а с учетом языкового контекста, т. е. на уровне «дискурса». Кроме того, вводится понятие «дискурсивное пространство», в котором тексты имеют между собой «интертекстуальные» отношения, соотносимые с данным местом и с данным временем. Таким образом, выявляются не только открыто идеологические языковые явления, но и «скрыто» идеологические, которые можно истолковать только с учетом «дискурсивного пространства». По существу, впервые ставится задача систематического и конкретного описания «советского языка» сталинской эпохи.

Предмет и цель исследования

Данная работа посвящена исследованию языка и риторики сталинизма второй половины 30-х годов XX века, когда, по всей видимости, начал прочно укореняться «советский язык». Цель работы состоит в систематическом описании развертывания повествовательной структуры «советского языка» в дискурсивном пространстве.

В диссертации ставятся следующие конкретные задачи:

1. Выработка методов описания «советского языка»;
2. Описание двух типов повествовательной структуры, характерной для «советского языка»;
3. Описание модели дискурсивного пространства «советского языка» второй половины 1930-х годов, в котором на вершине находятся тексты Сталина как «референтные тексты», и их одобряют, поддерживают, на них ссылаются, отвечают другие тексты;
4. Рассмотрение характерных черт риторических приемов Сталина и анализ

текстов Сталина как «референтных текстов»;

5. Выявление и описание интертекстуальных отношений между текстами Сталина и текстами разных жанров с учетом их жанровых особенностей.

Научно-практическая значимость работы

Изучение «советского языка» важно не только для языкознания, но и для других областей науки, касающихся вопросов взаимосвязи языка и общества, поскольку вопросы «советского языка» имеют отношение и к языку, и к идеологии, и к обществу, и к власти и др.

Значимость данного исследования заключается, прежде всего, в предложении моделей анализа дискурсивного пространства, которые могут объединить наблюдения над отдельными явлениями «советского языка», сделанные по отдельности разными исследователями.

Очевидно и прикладное применение данного исследования. На лингвистических и культурологических занятиях данная работа может дать студентам возможность повысить сознательное отношение к идеологическому употреблению языка. Кроме того, полученные результаты могут служить наглядным примером истории языка, семантического изменения слов в различных областях лингвистики таких, как социолингвистика, семантика, прагматика и т. д.

Материал работы

В качестве материала исследования были выбраны разнообразные тексты 1930-х годов и частично начала 40-х годов: речи и интервью Сталина, газетные тексты (передовые, репортажи, письма в редакцию), а также лозунговые тексты, массовые песни, частушки.

Анализ дискурсивного пространства «советского языка» во второй половине 1930-х годов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени Doctor of Philosophy (Arts) (Кэнъитиро Такахаси)

Методы исследования

В работе использовался, прежде всего, дискурсивный и текстовый анализ. Если же говорить более конкретно, то важную роль сыграли методы, разработанные в нарратологии и так называемом «критическом анализе дискурса».

Апробация работы

Основные положения и результаты данной работы выносились на обсуждение на различных семинарах, симпозиумах и конференциях по лингвистике, семиотике, культурологии, славистике и др. Среди них можно отметить такие, как 17-я Конференция по семиотике (Токио, 1998), 2-я Международная школа по лингвистической типологии и антропологии (Московская область, 2000), Международный симпозиум по славистике (Саппоро, 2004) и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы

Работа состоит из введения, трех разделов, десяти глав, заключения, приложения и списка литературы.

Во введении обозначены предмет и цель исследования.

В разделе 1 рассматриваются основные исследования по «советскому языку», созданные до настоящего времени, уточняются задачи работы и представляется конкретная модель описания дискурсивного пространства «советского языка».

В разделе 2 анализируются тексты Сталина с двух точек зрения: с одной стороны, анализируются риторические приемы Сталина, использующиеся для оправдания своих утверждений, с другой стороны,

тексты Сталина рассматриваются как «референтные тексты» в дискурсивном пространстве.

В разделе 3 обращается внимание на то, как тезисы «референтных текстов», уже рассмотренные в разделе 2, развёртываются в таких жанрах, как газета, лозунг, массовая песня.

В приложении анализируется дискурсивное пространство начала 40-х годов (периода, когда началась Великая Отечественная война), в сравнении с дискурсивным пространством второй половины 30-х годов.

Работа завершается библиографией, включающей более 270 работ, написанных на русском, английском, французском и японском языках.

Содержание работы

Введение.

Для того чтобы обозначить проблемы «советского языка», опровергая сталинский тезис 1950 года о том, что «русский язык остался таким же, каким был в дореволюционное время», весьма пригодными оказались положения, выдвинутые в работах японского лингвиста М. Токиэда, известного как основателя так называемой «школы языкового существования (гэнгосэйкацу)»:

1) Когда речь идет об «изменениях языка», необходимо рассматривать не отдельные языковые элементы, как лексические и грамматические явления, а «произведение», состоящее из отдельных языковых элементов, т. е. «дискурс». Именно на уровне «произведения», или «дискурса», где отражены мысли и чувства автора, наблюдаются изменения языка. С этой точки зрения «советский язык» можно рассматривать как язык, отражающий официальную советскую идеологию.

2) Изменение языка обуславливается не только «идеологией», но и «языковым существованием» вообще, т. е. технологией, политикой,

культурой, системой средств массовой информации и т. п.

Таким образом, «советский язык» можно предварительно охарактеризовать как русский язык, который отражает официальную советскую идеологию и связывается с изменениями советского «языкового существования». То есть «советский язык» необходимо анализировать на уровне дискурса, с учетом внеязыкового контекста.

Раздел I: Вопросы о «советском языке»

Глава 1. «Советский язык» как «новояз»

В настоящей главе «советский язык» рассматривается как нечто вроде изобретенного Дж. Оруэллом «новояза», т. е. как некую замкнутую систему, в которой отражена определенная идеология. В отличие от времени «зрелого социализма», для которого характерна идеологическая «диглоссия» (М. Кронгауз), нельзя сказать, что в 1930-е годы четко параллельно существовали «обычный» русский и «советский» русский языки, но, тем не менее, с методологической точки зрения вполне целесообразно представить «советский язык» как некую систему и попытаться описать его общие характеристики.

Лексика, вообще легко подвергающаяся изменению, является самым популярным предметом исследования по «советскому языку». Имеется немало работ, посвященных систематическому описанию его словарного состава, в том числе и «Толковый словарь языка Совдепии» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной и «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» Н. А. Купиной. Как выяснено в таких работах, в основе лексической системы «советского языка» лежит простейшая манихейская схема оппозиции «добро / зло». Некоторые лексические единицы, такие как, например, «Ленин», «социализм», «коммунизм», «пролетариат», «рабочий класс», «капитализм», «фашизм», «троцкист», приобрели абсолютно хорошие или

абсолютно плохие оттенки, которые никогда не колебались вне зависимости от контекста.

С такими идеологическими словами могут сочетаться только определенные эпитеты. В «советском языке», например, с «Лениным» может сочетаться «великий», но никогда не может — «трусливый». Эти правила такие строгие, что влечет за собой укоренение в «советском языке» «парных» слов, которые черпаются из очень ограниченного списка: «великий Ленин *или* Октябрь *или* советский народ *или* Родина», «непоколебимое *или* нерушимое единство партии и народа», «акулы капитализма», «зверинные законы капитализма» и т. д.

Эти правила касаются не только эпитетов. На процесс порождения целого предложения также влияют принципы манихейской оппозиции. В «советском языке» предложение «Трусливый Ленин глупо потерпел неудачу» просто невозможно точно так же, как предложение «Colorless green ideas sleep furiously» (Бесцветные зеленые идеи яростно спят) с семантической точки зрения невозможно (Н. Хомский). То есть, многие высказывания на «советском языке» основываются на двух основных тезисах: «мы — хорошие» и «они (враги) — плохие».

Из вышесказанного вполне можно предположить, что дуализм добра и зла проявляется и на уровне текста. Стоит только вспомнить, что в «советском языке» невозможен текст, с начала до конца которого рассказывается исключительно о плохих сторонах социализма.

Что касается функций «советского языка», то из шести функций языка, классифицированных Р. Якобсоном, требуют некоторого пояснения следующие: «фатическая», подчеркивающая наличие контакта, «метаязыковая», устанавливающая тождество высказывания, и «поэтическая», ориентированная на само сообщение.

В советском обществе в определенных ситуациях должны присутство-

вать определенные тексты: лозунги, речи вождей, выступления рабочих и т. д. В данных ситуациях не всегда важно само содержание текстов, а важен сам факт присутствия данных текстов в данное время в данном месте. Таким образом реализуется фатическая функция.

Метаязыковая функция связана с указанием на «код». В романе Дж. Оруэлла «1984» рассказывается о том, что люди власти путем уничтожения слов создают новый словарь и совсем новый язык («новояз»), и тем самым пытаются сузить диапазон человеческого мышления. Хотя в реальности «советский язык» формировался не прямо путем переписывания словаря, но можно констатировать тот факт, что в советском обществе возникла необходимость толковать и фиксировать новые слова и новые значения слов. В качестве примера реализации метаязыковой функции можно привести работы лингвистов по кодированию идеологических слов (советизмов), в том числе и «Толковый словарь» Д. Ушакова.

Поэтическая функция наиболее важна в поэтическом сообщении (произведении искусства), и может показаться не присущей политическому дискурсу. Но стоит вспомнить, что Р. Якобсон приводит в пример политический лозунг «I like Ike».

Таким образом, если «советский язык» рассматривать как языковую систему «новояз», то можно описывать особенности его структуры с разных точек зрения, на разных уровнях языка: на лексическом, грамматическом, на уровнях структуры текста, функций и т. д.

Глава 2. За пределы модели «новояза»

В основе понятия «новояза» лежат «лингвистический детерминизм» (ограниченность мышления человека языком, на котором он говорит) и «теория гиподермического шприца», еще называемая «теорией волшебной пули», которая рассматривает аудиторию как гомогенную массу, на

которую одинаковые сообщения влияют одинаково. Но, строго говоря, эти теории не соответствуют реальной языковой действительности.

Вместо этой абсолютизации концепции языка как орудия идеологического манипулирования людьми, мы исходим из того постулата, что идеология не присуща самой языковой системе, а зависит от конкретной речи, порождаемой в определенных отношениях между индивидуумами, т. е. дискурса. «Советский язык», являясь чем-то неоднородным, должен рассматриваться в «дискурсивном пространстве», где разные дискурсы находятся в состоянии непрерывного взаимодействия, взаимозависимости и взаимоподдержки. Для этого необходимо принимать во внимание разные аспекты «языкового существования» (М. Токиэда) и «проблему речевых жанров» (М. Бахтин), которые во многих прежних работах по «советскому языку» упускались из виду.

Для выхода за пределы модели «новояза» необходимо включить в данную постановку проблемы еще один вопрос — вопрос об антиномичности языка самого по себе. Концепция «новояз», как уже говорилось, возможна только на основе «лингвистического детерминизма», по которому язык, содержащий в себе определенную картину мира, располагается между миром и человеком, опосредуя собою восприятие и осмысление мира. Но, с другой стороны, языку присуща «дуалистическая асимметрия» (С. Карцевский), сообщающая языку открытость и переменчивость. Языку присущи эти две взаимоисключающие тенденции, или «эргон» и «энергея» (В. фон Гумбольдт), которые в организации знаковой структуры языка взаимно уравновешиваются. Но при использовании «советского языка» баланс нарушается, причем в сторону «эргона». Нарушение баланса в сторону «эргона» наблюдается и на внутриязыковом, и на внеязыковом уровнях.

По поводу внутриязыкового уровня можно отметить «идеологические языковые приемы», которые делают соотношение формы и семантики

жестко детерминированным, и тем самым служат оправданием идеологии власти.

На внеязыковом же уровне надо рассмотреть процессы от дореволюционного состояния разноязычия к формированию единого государственного дискурсивного пространства, в частности процесс нормализации языка, процесс формирования средств массовой информации и процесс формирования «советского массового читателя», умеющего читать и понимать государственный дискурс.

Глава 3. Модель дискурсивного пространства «советского языка»

Картина мира «советского языка» отражается лучше всего на уровне «аллегории» (в широком смысле слова), содержащей в себе два самых основных аспекта языка: «метафору» и «метонимию», т. е. на уровне «нарратива». К тому же, такие вышеуказанные вопросы, как «идеологические языковые приемы», «речевые жанры», «дискурсивное пространство», должны рассматриваться на уровне «дискурса» или «нарратива», так что наш анализ «советского языка» будет проведен именно на уровне нарратива.

Как говорилось в работах по «советскому языку», в том числе и в работах Х. Гюнтера и К. Кларк, к середине 1930-х годов в глубинной структуре советской культуры сформировались архетипы «отец», «Родина-мать» и героические «сыновья и дочери», составляющие полный треугольник «Большой семьи», и архетип «враг» (и бывают «нейтральные», могущие стать либо «врагами» либо «героями», или, по выражению Андрея Платонова, «невыясненные»). На основе этих архетипов можно представить два основных нарратива «советского языка»: «нарратив о просвещении», в котором рассказывается, главным образом, о подготовке героев, и «нарратив о борьбе», в котором рассказывается о борьбе между героем и врагом.

Хотя в принципе «нарратив о борьбе» было бы возможно включить в «нарратив о просвещении», разница между ними состоит в том, что в последнем рассказывается исключительно о борьбе между героем и врагом. Поэтому мы выделяем «нарратив о борьбе» из «нарратива о просвещении». «Нарратив о борьбе» делится на два типа в зависимости от типов врагов: «открытого врага», называемого нами «враг 1», и «скрытого врага», называемого «враг 2». «Нарратив о борьбе» с «врагом 1» называется «нарратив о борьбе 1», и «нарратив о борьбе» с «врагом 2» — «нарратив о борьбе 2». Структуры этих нарративов можно сформулировать следующим образом:

Структура «нарратива о просвещении»

1) *Постановка задачи*

Ставится задача. «Герой» начинает заниматься задачей.

2) *Развитие событий (испытания и т. д.)*

План «героя» приводится в исполнение. Ряд затруднений мешает «герою». Часто проводится *борьба* между «героем» и «врагом», мешающим «герою».

3) *Помощь*

При помощи «наставника» или «помощника» «герой» продолжает выполнять задачу.

4) *Выполнение задачи*

Задача выполняется или желают выполнения задачи.

5) *Продвижение вперед*

«Герой» продвигается дальше к конечной цели. Ставится следующая задача с использованием метафор «дорога» и «строение».

Структура «нарратива о борьбе 1»

1) *Вред*

«Враг» наносит «жертве» вред. «Враг» часто изображается могучим и жестоким, а «жертва» — бессильной. «Герой» и «жертва» могут быть отождествлены.

2) *Помощь*

«Герой» получает помощь от «наставника» или «помощника».

3) *Борьба*

«Герой» борется с «врагом».

4) *Победа*

«Герой» побеждает в борьбе.

5) *Продвижение вперед*

«Герой» продвигается дальше к конечной цели. Ставится следующая задача с использованием метафор «дорога» и «строение».

Структура «нарратива о борьбе 2»

1) *Соблазн*

Замаскированный, скрытый «враг» соблазняет «героя» («жертву»).

2) *Помощь*

«Наставник» или «помощник» разоблачает скрытого «врага» и спасает «героя» («жертву»).

3) *Борьба*

«Герой» или «наставник» («помощник») борется с «врагом».

4) *Победа*

«Герой» или «наставник» («помощник») побеждает в борьбе.

5) *Наставление*

Делается наставление о том, что «герою» необходимо научиться разоблачать скрытого «врага». (Соединяется с «нарративом о просвещении»)

Кроме выявления структур нарративов необходимо рассмотреть процессы осуществления единства семантической информации. К середине 1930-х годов сформировались условия для осуществления единства семантической информации (и в производстве речи, и в герменевтических процедурах), которое было необходимо для советского общества. Этот процесс был обусловлен, главным образом, переходом от «устной» к «письменной культуре». Во-первых, были установлены и стабилизированы нормы литературного языка. В этот процесс делает большой вклад лингвистика. Орфографическая реформа и составление нового словаря послереволюционного времени оказали большое влияние на нормализацию языка. Создаваемый на основе нормализованного языка дискурс власти распространялся при помощи развернутой советской властью пропагандистской деятельности. Ее обязательным условием является образование механизма органов печати, которое дает возможность напечатать один и тот же дискурс в большом количестве и быстро распространить его на всей территории государства. Советская власть буквально сразу после революции начала покрывать страну газетной сетью, что сыграло решающую роль в формировании сознания единого «советского народа». С помощью общего печатного языка народные массы, говорившие на разных языках и диалектах, впервые начинали понимать друг друга и чувствовать единение всех членов общества. К тому же, нужно было сформировать широкие слои «читателей», умеющих читать и понимать письменный государственный дискурс. С этой целью началась борьба за ликвидацию неграмотности. Таким образом, государственный письменный дискурс превратился в первого учителя языка. Это значит, что было создано одно из условий для распада территориальных сельских общин и для формирования монистического единого государства, куда включается каждый индивидуум.

Но в дискурсивном пространстве «советского языка» также существовала и важную роль играла устная культура. По этому поводу можно отметить по меньшей мере два фактора: особую русскую привязанность и предрасположенность к устной речи и огромные территории России, населенные полуграмотными и неграмотными людьми, не испытывающими симпатии к новой власти. Для распространения дискурса власти использовались также радио, устная агитация, кино и т. д. Сразу же необходимо оговориться, что здесь под «устной культурой» подразумевается «вторичная устная культура», основывающаяся на письменности (У. Д. Онг).

Таким образом, к середине 1930-х годов в советском обществе вместе с переходом от устной (точнее, первичной устной) к письменной культуре, дополняемой «вторичной устной культурой», сформировались условия для осуществления единства семантической информации.

Дискурсивное пространство «советского языка» во второй половине 1930-х годов имело иерархическое строение, на вершине которого расположен был текст Сталина. Он исполнял функцию «референтного текста», который поддерживался и одобрялся другими текстами, и на который ссылались и откликались другие тексты.

В сталинский период объем жанров пропагандистских текстов был крайне широк, поскольку пропаганда вторгалась в самые отдаленные, сугубо неофициальные жанры. Поэтому почти невозможно дать полный перечень жанров «советского языка». Но в общем они классифицируются с учетом того, каким образом в данных речевых жанрах разворачивается, поддерживается, повторяется сталинский текст как референтный. Во-первых, существуют жанры, где логично, конкретно разворачивается референтный текст: язык печати, учебник, научный язык и др. Во-вторых, есть жанры, которые формулируют референтный текст: лозунг, пословицы. Наряду с

вышеприведенными, так называемыми «жанрами сверху», необходимо принимать во внимание «жанры снизу». Например, посредством выступления на собрании, посылания письма в газету, массы сами активно участвовали в дискурсивном пространстве «советского языка» и усваивали «советский язык».

Главное, что в дискурсивном пространстве «советского языка» разные дискурсы разных жанров, выполняя свои функции, находятся в состоянии взаимной ссылки и поддержки, и составляют некую систему. Существуют разные работы, изучающие отдельные жанры «советского языка», но далеко не все учитывают их функции в дискурсивном пространстве. В данной диссертации поставлена цель проанализировать несколько важных жанров с учетом дискурсивного пространства как системы.

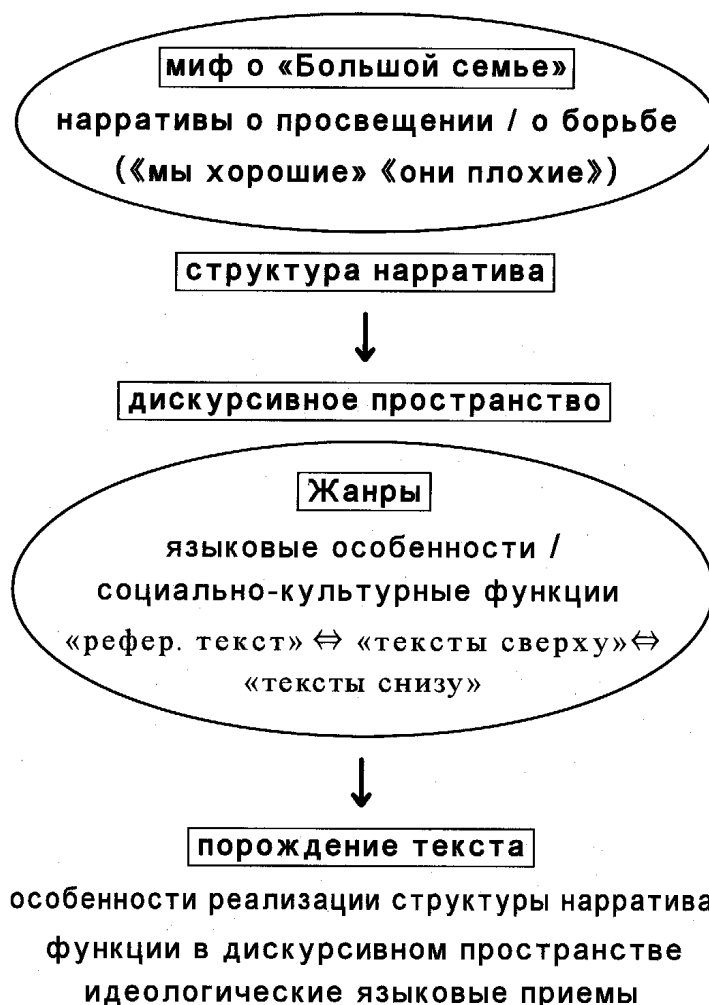
В дальнейших главах рассматриваются разные «нарративы о просвещении и о борьбе» второй половины 1930-х годов, основанные на мифе о «Большой семье», выявляются их структуры, и анализируется, как они развертываются через разные речевые жанры, с учетом их жанровых особенностей, функций в дискурсивном пространстве, а также идеологических языковых приемов.

Раздел II: Риторика Сталина

Глава 4. О языке Сталина

Существуют работы, посвященные языку и риторике Сталина, в том числе и работы Р. И. Розиной и М. Вайскопфа.

По утверждению Розиной, задачей Сталина было завоевать массы людей, большая часть которых не имела образования. Поэтому естественно стремление Сталина максимально упростить восприятие своего текста. Упрощение восприятия текста осуществляется разными способами: сознательным обнажением структуры текста, разделением текста на части

и озаглавливанием частей, высокой степенью последовательности текста и др. К тому же, Сталину было необходимо убедить слушателей в своей правоте. Поэтому тексты Сталина должны были иметь форму доказательства, рассчитанную на логику обыденного сознания. Это преимущественно индуктивная логика. Наиболее широко применявшимся Сталиным средством рассуждения был вопросно-ответный ход. Кроме того, Сталин часто прибегает к цитированию Ленина, чтобы подкрепить свои рассуждения и усилить авторитетность текста. Для сталинских текстов также характерен повтор, что позволяет увидеть сходство сталинских текстов с религиозными.

Если работа Розиной выявляет, главным образом, формальные особен-

ности сталинских текстов, то в работе Вайскопфа главное внимание направляется на глубинные слои текстов. В работе Вайскопфа использовано большое количество текстов Сталина и рассмотрены разные стороны его языка. По мнению Вайскопфа, для языка Сталина характерно сочетание полярных качеств. Амбивалентное скольжение тончайших нюансов составляет секрет мышления Сталина, запечатленного в, казалось бы, топорном и монотонном языке. Одним из уникальных свойств сталинского стиля является сочетание обманчивой ясности, точности, тавтологической замкнутости ключевых понятий и их внутренней двусмысленности, предательской текучести, растяжимости. Вайскопф также выявляет, что в языке Сталина православный, северокавказский слои сочетаются с общереволюционной мифологией.

Хотя наблюдения и рассуждения этих работ о языке Сталина являются весьма полезными для нашего анализа, следует уточнить, как они отличаются от постановки проблемы настоящей диссертации, и как именно они могут быть полезными для нашего анализа. В целом можно сказать, что вышеуказанные работы посвящены индивидуальной стилистике Сталина. Безусловно чрезвычайно важно изучать особенности языка Сталина в том смысле, что стилистика Сталина в значительной степени определяла стилистику целой эпохи развития советской политической речи. Но в диссертации главное внимание уделяется скорее функциям сталинских текстов в дискурсивном пространстве, чем их стилистическим особенностям самим по себе. Иначе говоря, нас интересует «риторика Сталина», значимая только в рамках проблематики о «дискурсивном пространстве сталинизма».

Глава 5. Риторика Сталина-полемиста: идеология и нарративные стратегии в беседе с Г. Д. Уэллсом

В этой главе анализируется беседа между Сталиным и английским писателем Г. Д. Уэллсом, которая состоялась в 1934 году. Причины того, что эта беседа была выбрана в качестве первого текста для анализа, в следующем: во-первых, в ней хорошо видны самые основные понятия «советского языка», такие как «социализм», «классы», и во-вторых, Уэллс резко критикует советскую официальную идеологию с помощью разных риторических приемов. К этому времени в советском обществе была установлена диктатура Сталина и в стране фактически не было человека, который мог бы официально критиковать Сталина. Поэтому данный текст является большой редкостью в том смысле, что содержит открытую критику в адрес Сталина. В этом тексте беседа ведется вокруг самых главных постулатов «советского языка», которые не были бы поставлены под сомнение в монологе на «советском языке». Можно предположить, что через анализ текста будет ясна суть «советского языка». К тому же, анализ данной беседы может пригодиться и для «монологов» на «советском языке», в которых также имплицитно содержится «диалог» с врагом, настоящим или воображаемым.

Самыми главными постулатами, на которых Сталин основывается в беседе, являются следующие: «капитализм приводит к анархии» (т. е. капитализм — зло) и «человечество делится на класс капиталистов и класс пролетариев, которые борются между собой». Цель нашего анализа заключается в том, чтобы рассмотреть, как Уэллс критикует эти постулаты и как Сталин их оправдывает.

В беседе Уэллс представляет себя как «стремящегося видеть мир глазами простого человека», т. е. не являющегося приверженцем какой-либо идеологии, и, ставя Сталина на противоположную позицию, резко критикует

его. Сталин же старается защищать свою позицию при помощи риторических приемов, таких как «пролепсис» (предупреждение возможного возражения) типа «... кажется ..., но на самом деле ...», разные лингвистические формы «пресуппозиции», подтверждающие постулаты о «капитализме» и «классовой борьбе».

В начале Уэллс высказывает утверждение, что между СССР и США имеется идейная связь, идейное родство. Это утверждение безусловно не приемлемо с позиции логики «советского языка». Сталин, используя выражения «пресуппозиции», такие как, например, причастная конструкция «общественный строй, порождающий анархию и кризисы», имплицитно устанавливает формулу «существующая экономическая система (капитализм) есть абсолютное зло», которая неизбежно приводит к утверждению, что капитализм должен быть уничтожен.

В данной беседе Уэллс касается также темы о классовой борьбе, которая является одной из самых главных для «советского языка» тем. Уэллс возражает против упрощенной классификации людей на богатых и бедных. При этом стратегией Уэллса служит выстраивание схемы: «понимание об изменчивом состоянии мира» против «примитивного антагонизма классовой борьбы». В ответ Сталин возражает, используя выражения пресуппозиции типа «два *борющихся* между собой класса» и номинализации «в этой *борьбе*». Предпосылкой для использования подобных конструкций является восприятие «классовой борьбы» как данности. К тому же, Сталин с помощью пролепсиса признает существование «средних слоев», но они не что иное, как один из главных элементов в «советском языке» — «нейтральный», могущий стать либо героем, либо врагом. Таким образом, в ответ на критику Уэллса Сталин, частично признавая правоту его утверждения, строит свои рассуждения на основе логики «советского языка».

Уэллс также обвиняет Сталина в том, что его пропаганда является *старомодной* и *устаревшей*. В ответ Сталин ссылается на «богатый *исторический* опыт». Если Уэллс пытается взять верх над Сталиным, представляя себя как «знающего современное изменчивое состояние мира», то Сталин, наоборот, подчеркивая свой «исторический опыт» и, тем самым, превращая негативные оценки («являться старомодной») в хорошие («обладать историческим опытом»), отвергает критику Уэллса.

Глава 6. Референтный текст «нарратива о просвещении»

В этой и следующей главах тексты Сталина рассматриваются как «референтные тексты».

В настоящей главе анализируются три речи Сталина. Первый текст — речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года. С исторической точки зрения эта речь важна тем, что она отчетливо сформулировала и поставила перед народом новую задачу: задачу о подготовке кадров, и послужила референтным текстом для создания дальнейших подобных текстов.

К середине 1930-х годов уже были достигнуты некоторые успехи в проведении коллективизации сельского хозяйства и индустриализации страны, и Сталин стал часто говорить о необходимости подготовки кадров, что в анализируемой нами речи было четко сформулировано в форме лозунга: «кадры решают все». Основное содержание анализируемой речи вполне укладывается в схему «нарратива о просвещении».

Структура части речи, посвященной старой задаче (в дальнейшем именуемой «Задача 1»), и сформулированной в лозунге «техника решает все», такова:

1) Постановка задачи

Ставится задача, чтобы страну перевести с рельс средневековья и темноты на рельсы современной индустрии и механизированного сельского хозяйства.

2) *Развитие событий (испытания и т. д.)*

Герой («мы») начинает решать задачу. Возникают трудности с выполнением задачи: трудность самой задачи и непонимание и критика со стороны некоторых людей.

3) *Помощь*

При помощи «наставника» (Ленина) «герой» (мы) приобрел силы для выполнения задачи.

4) *Выполнение задачи*

Задача выполнена.

Структура части, посвященной новой задаче (в дальнейшем именуемой «Задача 2»), и сформулированной в лозунге «кадры решают все», такова:

1) *Постановка задачи*

Ставится новая задача, сформулированная в лозунге «кадры решают все».

2) *Развитие событий (испытания и т. д.)*

Герой («мы») начинает решать задачу. Возникают трудности с выполнением задачи: несознательность и непонимание товарищей.

3) *Помощь*

При помощи «наставника» (Ленина или Сталина) герой продолжает выполнять задачу.

4) *Выполнение задачи и Продвижение вперед*

Пожелание успешного выполнения задачи.

Заметим, что в этой сцене «Задача 2» разделяется на две части:

всеобщая задача подготовки кадров и задача каждого человека войти в состав хороших кадров. В дальнейшем первую задачу мы будем называть «Задача 2-1», а вторую — «Задача 2-2».

В данной речи Сталин произносит текст в основном от лица инклюзивного «мы», которое может раздваиваться на «вы» и «я». Мы видим, что инклюзивное «мы» представляет собой крайне стабильную и практически неделимую субстанцию.

Однако в рассматриваемом тексте существует два места, в которых «мы» становится нестабильным. Прежде всего, это сцена «Развитие событий» в части о «Задаче 1», в которой говорится о борьбе с внутрипартийным врагом. Нарушение стабильности связей внутри инклюзивного «мы» в этой части текста связано с тем, что здесь происходит языковая борьба за местоимение «мы», к которому обе стороны («герой» и «враг») пытаются отнести как можно большее количество народа.

Второй случай нестабильности «мы» в тексте относится к моменту, когда Сталин признается в чистке «врага» от имени «мы», но в то же время высказывает: «я тоже приложил руку к этому делу», т. е. как бы отделяет «я» от «мы». При помощи этого отделения «я» от «мы», «мы» выступает на первый план в отношении дела чистки товарищей, и тем самым подчеркивается, что чистка произошла от имени «мы», а не от имени Сталина.

С другой стороны, в одном месте «Задачи 2» из «мы» на первый план выходит фигура оратора — «я», которая выделяется из «мы» и становится особым человеком, который еще до революции осознавал «Задачу 2», и тем самым, роль «наставника» в рассматриваемом тексте перенесена с Ленина на Сталина.

Если поставить эту речь в общественный, политический, идейный контекст, то видно, что в этом тексте явно отражен контекст прежней

политической борьбы. К моменту речи 4 мая 1935 года Сталин уже уничтожил противников и установил диктатуру, но, тем не менее, ему все еще было необходимо постоянно напоминать о справедливости тезиса о победе социализма в одной стране, чтобы убедить советский народ в этой победе, показать ему блестящие перспективы социалистического общества и разбудить в нем стремление к производственной деятельности. Таким образом, мы видим, что в рассматриваемом тексте на знакомый сюжет о разрешении задачи накладываются выражения, в том числе и альтернативная конструкция, которые можно понять, только принимая во внимание сталинское положение о социализма в одной стране, выдвинутое им в спорах с оппонентами.

В качестве следующего текста для анализа выбран текст речи Сталина на первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года, где рассказывается о значении стахановского движения, — с нашей точки зрения, разворачивается «нарратив о просвещении», главной темой которого является «задача 2» (точнее «задача 2-2»).

В этом тексте в роли «героев» выступают стахановцы, которые проходят разные *испытания*, в том числе и *борьбу* с «врагами», и выполняют «задачу 2». Противоположность «герои / враги» совпадает с дуальной моделью «новое / старое» (а также с моделью «низ / верх»). Герои характеризуются как «новые, особенные люди» и малочисленные. Они противопоставляются не только «врагам» («некоторым консервативным инженерам»), но и остальным жителям страны. То есть подчеркивается разница между «героями» и «не героями», и первым предназначается роль образца.

Повествование о *борьбе* с врагом конструируется на основе такой «полемической риторики», какую мы выявили в главе 5. А также интересным примером «полемической риторики» является следующее: Сталин,

разделяя врагов на две полярные группы, сам занимает среднюю позицию, и тем самым может сразу отрицать обе позиции врагов. Таким образом, Сталин побеждает в споре с (настоящими и воображаемыми) оппонентами и выступает в роли «наставника» точно так же, как в тексте 4 мая 1935 года.

Что касается «не героев», то от них требуется выполнение роли «помощников».

В этом тексте рассказывается также о сглаживании разницы между «героями» и «не героями», т. е. о полном выполнении «задачи 2». Здесь подчеркивается то, что герои являются «простыми и скромными людьми». Это значит, что в данном тексте герои представляются как одновременно «особенные» и «простые». Иными словами, в этом нарративе простые люди снизу превращаются в особенных героев, прославляемых по всей стране. Это не что иное, как образец выполнения «задачи 2», и мотив «любой может стать героем» повторяется снова и снова в других разных текстах.

Еще одним важным пунктом в этом тексте является то, что подчеркивается богатство страны и улучшение жизни в стране при упоминании о достоинствах советского государства. Это наиболее ярко выражено в словах Сталина, ставших потом афоризмом: «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее». К тому же часто произносятся такие ключевые слова, как «хорошо», «весело», «зажиточно», «культурно».

Почти все речи Сталина, произнесенные за несколько лет после 1934 года, проникаются вышеизложенными темами и обладают почти той же риторической структурой. В некоторых текстах герои конкретизируются: в роли героев выступают не рабочие вообще, а музыканты, спортсмены, рабочие, занимающиеся какой-либо профессией, рабочие какой-либо национальности, рабочие какого-либо пола (особенно женского, т. е. работницы) и т. п.

Примером конкретизации героя служит речь Сталина на приеме колхозниц-ударниц свекловичных полей руководителями партии и правительства 10 ноября 1935 года. В отличие от других текстов в этом тексте выдвинута новая оппозиция «женщина / мужчина». Женщина преодолевает трудности, причиняемые мужчиной, выполняет задачу и получает одобрение от Сталина и других руководителей Партии — это не что иное, как вариант «нарратива о просвещении» середины 1930-х годов. Таким образом, «нарративы о просвещении», имеющие одну и ту же структуру, развертываются в разных текстах по-разному.

Глава 7. Референтный текст «нарратива о борьбе»

С 1936 года начало в значительной степени увеличиваться число текстов на тему о борьбе с врагами. Прежде всего возьмем текст беседы Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард ньюспейперс» господином Р. Говардом, которая состоялась 1 марта 1936 года. В этом тексте структура «нарратива о борьбе» реализуется не в полном объеме, но его можно рассматривать как завязку «нарратива о борьбе», который потом начнет развертываться после развязывания войны.

В словах Сталина в настоящей беседе оппозиции «мы / враг» и «социализм / капитализм» конструируются на основе слова «мир»: «друг мира» и «враг мира». Говард задает вопросы, пытаясь разрушить эти оппозиции, с помощью выражений пресуппозиции, а Сталин старается оправдать свои утверждения. Возьмем один пример, который интересен с лингвистической точки зрения. Говард задает вопрос: «Не считаете ли Вы, что и в капиталистических странах может существовать *обоснованное опасение*, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам?». С логической точки зрения, вне зависимости от того, положителен или отрицателен будет ответ на вопрос, сам тезис

«опасение, как бы Советский Союз не решил силой навязать свои политические теории другим народам, является обоснованным» не подвергнется отрицанию. А Сталин на этот вопрос прямо не отвечает, а говорит: «Для подобных опасений нет никаких оснований». То есть, как бы вбивая клин между прилагательным «обоснованное» и существительным «опасение», отрицает сам тезис. Подобная «языковая борьба» ведется в беседе и на темы о советском коммунистическом обществе, национал-социализме в Германии, фашизме в Италии, новой советской конституции и др. Таким образом Сталин отстаивает поставленную им самим формулировку.

Хочется особо отметить одно место, где местоимение «мы» использовано иначе, чем в других местах данного текста: «... *мы* хотим дать советским людям полную свободу голосовать за тех, кого они хотят избрать, кому они доверяют обеспечение своих интересов». Во всей беседе Сталин говорит, главным образом, от лица «мы», представляющего весь народ Советского Союза. Но в данном месте круг людей, обозначаемых местоимением «мы», становится значительно уже, в него входят только Сталин и партийные руководители. И местоимению «мы» противопоставляется «они», обозначающее «простой народ». Как в многих других текстах, в данном тексте можно видеть разграничение между кругом руководителей и простым народом.

Следующий текст Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» 3 марта 1937 года можно рассмотреть как референтный текст «нарратива о борьбе 2». Одной из самых главных тем является описание «врага». Нынешний враг характеризуется как противопоставляемый прежним врагам, а точнее прежнему троцкизму и вредителям шахтинского периода. Оппозиция «нынешний враг / прежние враги» основывается, во-первых, на оппозиции «скрытость / открытость», а во-вторых, на оппозиции «политика / техника». Стоит

отметить, что в повествовании о второй оппозиции сжат целый нарратив о выполнении «задачи 2».

В роли «жертвы» выступают «руководящие товарищи», которые не сумели разглядеть настоящее лицо врагов. А Сталин и некоторые партийные лидеры, разоблачающие врагов, составляют исключение, и тем самым выступают в роли «наставника».

В заключительной части текста Сталин перечисляет 12 «наших задач». Среди них особого внимания заслуживает то, что поставлена новая оппозиция «технически / политически» по поводу «задачи 2». То есть «задача 2» (о воспитании кадров) подразделяется на задачу о техническом воспитании кадров и задачу о политическом воспитании кадров, и последней (которую условно назовем «задачей 2'») уделяется больше внимания.

Итак из ряда речей Сталина в середине 1930-х годов можно вывести следующие две схемы развертывания нарративов (см. след. стр.).

Раздел III: Развертывание нарративов

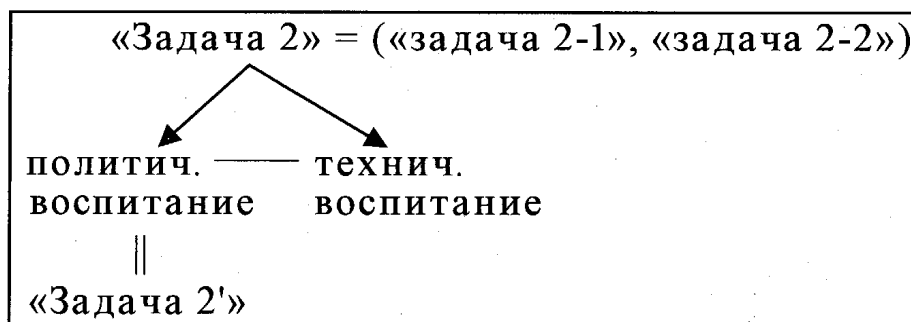
Глава 8. Риторика газетного языка

В настоящем разделе рассматриваются тексты разных жанров, каждый из которых по-своему развертывает тексты Сталина как референтные. В главе 8 анализируются газетные тексты.

Советская власть буквально сразу после революции начала покрывать страну газетной сетью, что сыграло решающую роль в формировании сознания единого «советского народа». С помощью общего печатного языка народные массы, говорившие на разных языках и диалектах, впервые начали понимать друг друга и чувствовать единение всех членов общества. Сразу же необходимо оговориться, что нельзя преувеличивать влияние газеты на массы в 1930-е годы, когда при условии высокого уровня

«Нарративы о просвещении»

«Задача 1»

«Нарративы о борьбе»

«враг 1» (фашизм) ⇔ «герой 1» - «наставник»

«враг 2» (троцкизм) ⇔ «герой 2», «нейтральные» - «наставник»
↓ («нарратив о просвещении»)
«герой(настоящий)»

неграмотности власти предпочитали такие масс-медиа, которые прямо и непрерывно действуют на массы. Но тем не менее вполне можно утверждать, что в советском дискурсивном пространстве газета играла очень важную роль. Во-первых, вне зависимости от того, прямо ли газетный язык действует на массы, он распространялся буквально на всей территории государства и выполнял моделирующую функцию в дискурсивном пространстве «советского языка». Во-вторых, именно оттого, что газетный язык вовсе не был доступен всем народным массам, он приобрел «престиж» (в социолингвистическом понимании слова), и многие члены общества стремились усвоить его.

В данной главе рассматривается два типа газетных текстов: передовые

и «личные» статьи (репортажи, письма в редакцию и др.). Передовая статья — это наиболее важный в идеологическом отношении материал, в котором ставятся широкие проблемы, нередко общегосударственного значения. Для этого жанра характерны строгое соблюдение речевых норм и одновременно высокая степень экспрессивности. Что касается строя речи передовой, то он характеризуется отсутствием форм авторского «я». В личных же статьях речь ведется или от 3-го лица, или от «я». Но даже в том случае, когда речь ведется от 3-го лица, производитель речи часто проявляет себя в тексте речи.

Тексты Сталина, рассмотренные в предыдущем разделе диссертации, разворачиваются в газетных текстах.

Спустя два дня после произнесения Сталиным речи в Кремлевском дворце, 6 мая 1935 года, в «Правде» была напечатана статья-комментарий под заглавием «Кадры решают все». Приведем из нее одну цитату: «Человек — это гордо звучит только в Советском Союзе!». Во-первых, подчеркивается, что главной темой сталинской речи является «человек». Во-вторых, к известной фразе М. Горького добавляются слова «только в Советском Союзе». Именно это добавление символически показывает особенности данной статьи-комментария. То есть, она разворачивает сталинскую речь в явном противопоставлении «СССР / капиталистические страны». Сама схема «мы / они» встречается почти во всех текстах, написанных на «советском языке». Но следует отметить, что в данной статье противопоставление «мы / они» исключительно основывается на человеческих чувствах, таких как отчаяние, горе, радость, веселье, счастье.

О переходе от старого лозунга «Техника решает все» к новому «Кадры решают все» рассказывается с помощью, главным образом, метафоры «строение», причем, в отличие от сталинской речи, «живой» метафоры. К тому же предсказывается, что сталинская речь «облетит всю страну»,

«проложит себе стезю в сознание и к сердцу сотен миллионов во всем мире», и тем самым «легионы кадров социализма будут быстро расти». Это значит, что, во-первых, данная статья выполняет «пророческую» функцию, а во-вторых, сама сталинская речь будет выступать в роли «наставника» в выполнении поставленной Сталиным задачи.

На тему о речи, произнесенной Сталиным 17 ноября 1935 года на первом всесоюзном совещании стахановцев также были напечатаны в «Правде» передовые статьи. Они не просто пересказывают сталинскую речь, а выделяют те или иные ее стороны, кое-что добавляют, т. е. переконструируют с той или иной точки зрения поставленные в сталинской речи темы.

Первый текст — передовая статья «Правды» от 18 ноября под заголовком «Великое поколение социализма». Наблюдается кое-что отличающееся от повествования сталинской речи.

Во-первых, в данной статье подчеркивается ход истории после революции с помощью разных языковых приемов: метафоры «путь» и «книга», контрастное использование глагольных видов (долго зрело — зрело — вызрело) и др.

Во-вторых, определяется роль Сталина, партии, героев, простого народа. Сталин при этом предстает как «гений». При описании его действий используются такие глаголы, как «открыл», «показал», «дал (глубокий анализ)», «разрушил (фетиши)» и т. д., т. е. ему дается роль человека, который находит глубокий смысл в реальной жизни, осмысляет ее и показывает людям свое осмысление мира. Отношения между Сталиным, партией и героями (стахановцами) показываются как отношения между учителями и учениками. Что касается простого народа (не героев), то подчеркивается его задача равняться на героев.

В-третьих, в отличие от сталинской речи, в которой почти отсутствуют

образные выражения, в данной статье замечается стремление к экспрессии (вообще говоря, для газетного языка характерна антиномия *стандарта* и *экспрессии*). Для данной статьи существенны метафоры «пламя» и «плоды». В повествовании эти метафоры, «оживляясь» (становясь образными), связываются с внутренним миром человека и его физическими свойствами, что совпадает с главной темой данной статьи о «человеке».

Второй текст — передовая статья «Правды» от 23 ноября под заголовком «Речь вождя». В этом тексте доминирует «пророческая» функция, причем подчеркивается «реализация сталинской идеи». С лингвистической точки зрения можно отметить перевес низкой степени переходности синтаксических конструкций: «X становится Y», конструкции с отглагольным существительным и др.

Третий текст — передовая статья «Правды» от 24 ноября под заголовком «Деловую помощь стахановцам». В тексте сначала излагается, как выполняют задачи «вдохновленные Сталиным» герои. А потом не раз повторяются модальные слова со значением долженствования. В этом тексте важна скорее побудительная функция, чем пророческая. Он призывает к оказанию помощи стахановцам. Если Сталин поставил в своей речи задачу «помогать стахановцам», то в данной статье ставится оппозиция «словесная помощь / деловая помощь», причем последней дается положительная оценка, т. е. конкретизируется сталинская задача.

Последний текст — передовая статья «Правды» от 26 ноября под заголовком «Жить стало лучше, жить стало веселее». Сам факт, что это сталинское выражение использовано как заголовок, значит, что оно приобрело большое значение в советском дискурсивном пространстве. К тому же в первых двух абзацах текста большое внимание уделяется именно самой этой фразе. В статье также противопоставляются социализм и капитализм. Следует отметить, что при упоминании о капитализме подчеркивается

всеобщность несчастья, а при упоминании о социализме — его отдельность. К тому же, счастье каждого человека связывается с всеобщим счастьем всего народа Сталиным и другими партийными руководителями.

«Личные» газетные статьи тоже писались вокруг сталинской речи. Первый текст — письмо стахановцев Сталину, напечатанное в «Правде» от 21 ноября 1935 года под заголовком «Москва, Кремль, СТАЛИНУ». Этот текст служит одним из идеальных образцов «откликов» на сталинскую речь со стороны самих героев. В тексте замечается высокая степень экспрессивности и эмоциональности. К Сталину обращаются, как не «товарищ Сталин», а «дорогой Иосиф Виссарионович». К концу текста даже отмечается переход от «вы» к «ты». Данный текст можно рассматривать также как самый освященный образец реализации мифической модели «Большой семьи», где самые передовые сыновья-герои навещают отца-Сталина, сидящего в Москве как «священном» центре страны, и отцом вдохновляются.

Как пример «отклика» на сталинскую речь можно рассматривать также статью «Правды» от 9 декабря 1935 года под заголовком «Почему я еще не стахановец». В тексте «стахановцы» подразделяются на две категории «подлинные» и «неподлинные». Сначала автор статьи относит себя к последней, но на основе точно такой же риторики, что у Сталина, автор в процессе развертывания повествования выделяется как «подлинный герой», знающий толком «задачи» героев и обвиняющий неподлинных героев в непонимании.

«Героями» в то время являлись не только «стахановцы», но и другие люди в разных областях жизни, например, летчики. Летом 1936 года Чкалов, Байдуков и Беляков на «АНТ-25» совершили беспосадочный перелет от Москвы до Амура через Северный Ледовитый океан и Камчатку и обратно в Москву. Вокруг этого «подвига» была поднята газетная

«шумиха», появилось много статей. Такие тексты выполняют функции «ответов» на требование Сталиным выполнения «Задачи 2».

Анализируются также передовые статьи о беседе Сталина с Р. Говардом, состоявшейся 1 марта 1936 года. Первый текст — передовая «Правды» от 5 марта «Прямой и ясный ответ». В ней в основном пересказывается сталинская беседа со многими цитатами. Но стоит обратить внимание на то, что здесь также прославляются сами слова Сталина. Его речь характеризуется как «ясная» и «прямая». «Ясность» и «прямота» служат в данном тексте ключевыми словами. Не только выступления Сталина и его образ, но и даже «социализм» характеризуется в данном тексте «ясностью» и «прямотой».

Кроме передовых статей, самые разные статьи появились за несколько дней после беседы. Это отклики из разных городов, в том числе и из зарубежных. Например, напечатаны ответы от корреспондентов из Москвы, Киева, Ленинграда, Харькова, Минска, Горького и др. В них единогласно рассказывается о том, что рабочие слушают сталинскую беседу, которая вызывает всеобщий подъем, а также о том, что рабочие готовы дать отпор врагу. Интересно, что в этих статьях конкретное содержание сталинской беседы не является предметом рассуждения, а просто, прославляясь, воспринимается как таковое. Таким образом, «референтный текст» распространяется по всей стране и из разных городов горячо откликаются на него — получается коммуникационное звено в газете.

Рассматривается также одна передовая «Правды» от 29 марта 1937 года «Политически воспитать кадры, ликвидировать беспечность!», написанная в связи со сталинской речью 3 марта «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников». Во-первых, в тексте при упоминании о Сталине четко сказано, что он единственный человек, который знал ошибки товарищей и вскрывает корни недостатков

хозяйственной и партийной работы. Это значит, что Сталин четко изображается как «наставник». Во-вторых, анализ употребления местоимения «мы» показывает, что к категории «мы» не относится ни Сталин, ни ЦК. Сталин ставит задачи, ЦК дает решения, а газета объясняет народу их значения и обращается к нему, чтобы он глубоко воспринимал их. Значит, и здесь получается схема: Сталин ставит задачи, а газета отвечает. Следует отметить также, что в тексте при упоминании о политической ситуации используется метафора «болезнь», подразумевающая «заражение», а выход из нее предстает в образе «излечения», для которого нужен «наставник» как врач.

Типы развертывания «референтных текстов» в газете таковы:

1. Оценивание «референтного текста» и его создателя.

В отличие от самого «референтного текста», в газете почти всегда упоминается о «референтном тексте», причем обязательно положительно, что прямо ведет к прославлению его создателя Сталина.

2. Трансформационные операции по отношению к «референтному тексту»:

- 1) «конкретизация»;
- 2) «усиление экспрессивности»;
- 3) «прибавление темы»;
- 4) «цитирование».

3. Типы откликов на «референтный текст»:

в передовых статьях;

- 1) «пророческий» («Задача будет выполнена»);
- 2) «императивный» («Выполни задачу» или «Выполним задачу»);
- 3) «констативный» («Задача выполняется»),

а в личных статьях;

- 1) «констативный» («Задача выполняется» или «Задачу выполняем»);
- 2) «перформативный» («Задачу выполним»).

Глава 9. Риторика лозунгов

В настоящей главе рассматриваются лозунги, которые стали частью повседневной советской жизни и интертекстуально цитировались в других разных жанрах «советского языка». В отличие от газетного языка, в лозунгах разворачивается «референтный текст» с помощью сжатых и клишированных формул.

Из шести функций языка, классифицированных Р. Якобсоном, в качестве основных функций лозунгов можно назвать «конативную», ориентированную на адресата, «фатическую», подчеркивающую наличие контакта, и «поэтическую», ориентированную на само сообщение.

По прагматико-коммуникативному принципу классификации мы выделяем три группы: констатации, пожелания и призывы. С точки зрения типов «откликов» на референтный текст констатации (напр. «Фашизм — это наступление капитала на рабочий класс!») служат в основном отчетом, пророчеством. Пожелания разделяются на два типа: «здравицы», реализующиеся в клишированных формах «Да здравствует А!», «А-у привет!», «Пусть растет А!», «Славу А!» и др., и «проклятия» — «Долой А!», «Смерть А-у!» и др. Призывы разделяются на инклюзивные, эксклюзивные и нейтральные.

В лозунговом языке отмечается также несколько операций «трансформационной грамматики» советских лозунгов, касающихся степени «идеологичности»: трансформация прагматико-коммуникативных типов; лишение показателей времени, лица и модальности с помощью номинализации; прибавление / лишение клишированных слов и выражений; и т. д.

Анализируется два нарратива, выведенных из 60 первомайских лозунгов 1936 года (и частично из лозунгов 1937 года): «нарратив о борьбе», свойственный лозунгам по международно-политической тематике; и «нарратив о просвещении», свойственный лозунгам по внутриэкономической темати-

ке.

Первые 13 лозунгов и 50-й лозунг 1936 года, а также лозунги 37 года под номерами 35–37 составляют «нарратив о борьбе». Как в других жанрах, в текстах лозунгов нарратив начинается с «жертвы», которую приносит приход врага, потом переходит к теме о «борьбе» между героем и врагом, и, наконец, заканчивается «победой» героя.

Из остальных лозунгов можно вывести «нарратив о просвещении». Большинство лозунгов на тему о внутренней экономике можно понять и интерпретировать, только принимая во внимание этот нарратив и основывающийся на нем миф о «Большой семье». Например, слово «самолеты» в 19-ом лозунге «*Молодежь на самолеты!*» обладает чрезвычайно высокой оценкой и особой коннотацией, основанной на мифе о героях-летчиках в середине 1930-х годов. Призыв «на самолеты» означает призыв к тому, чтобы стать «сыном Большой семьи», а также имеет перформативный характер: речевой акт призыва есть одновременно и действие «обещания» предоставления привилегий. Кроме того, в словах «молодежь» и «самолеты» можно заметить «поэтическую функцию» в ассонансе и в аллитерации. Таким образом, этот лозунг выполняет различные функции в рамках «нарратива о просвещении». Остальные лозунги также можно интерпретировать в его рамках: часто встречающуюся конструкцию «Дайте стране (родине) больше ...!» можно понять, принимая во внимание модель «Большой семьи»; часто употребляющиеся для определения рабочего прилагательные «передовой», «ведущий» подразумевают оппозицию «герой / не герой», т. е. особо выделяют «героев»; и в то же время некоторые лозунги призывают «равняться» на передовых рабочих, «умножать» ряды передовых, т. е. конечная цель — устранить оппозицию «герой / не герой».

Однако в кратких текстах лозунгов вышерассмотренные нарративы

развертываются не всегда в их полном виде. Самой важной формальной особенностью лозунгов является «сжатость». В пожеланиях-лозунгах предметы только представляются с положительной или отрицательной оценкой, призывы просто призывают к выполнению задачи, а в констатациях, которые в большинстве случаев служат доводами призывов и пожеланий, часто в отдельных лексических единицах сжимается повествовательная конструкция. В них нарратив часто представляется просто в виде «пре-суппозиции».

В этом смысле можно сказать, что лозунг — это жанр, который просто повторяет идеологическое значение слова, репродуцирует и утверждает нарратив, лишенный нарративности. Таким образом, в лозунге «задача» четко формулируется и повторяется и тем самым приобретает важное значение в дискурсивном пространстве «советского языка», а также предметы, имеющие сильные оценки (такие как «враг» и «герой», и другие идеологемы), прославляющиеся или проклинающиеся, усиливают свое оценочное значение.

Глава 10. Риторика массовых песен

Жанр массовой песни на фоне развития средств массовой информации создал в советском обществе 1930-х годов новые условия, способствующие тому, что все члены общества стали петь одни и те же песни. Эти песни уже были не местные фольклорные, а общенародные. Важно, что массовая песня — это устный жанр. В советском обществе 1930-х годов отмечался переход от устной к письменной культуре. Однако с одной письменной культурой общество не могло бы быть централизованным. Вообще говоря, для объединения людей в одно государство нужна все-таки и коммуникация, основанная на устности, а точнее «вторичной устности», основывающейся на письменности (У. Д. Онг). Одним из самых важных

жанров, основанных на устности, являлась массовая песня.

Что касается содержания текстов песен середины 1930-х годов, то большинство из них вполне можно понимать в рамках «нарративов о просвещении и борьбе». Например, текст одной из самых популярных песен 30-х годов «Марш веселых ребят» (1934) можно толковать следующим образом: «мы» или «комсомольское племя», выполняя «задачи» строительства, покорения пространства и времени, открытия холодного полюса и голубого свода и т. п., становится «героем». Следует отметить, что выражения «откроем холодный полюс и свод голубой» интертекстуально перекликаются с текстами о советских героях-летчиках. А также слова в песне: «Когда страна быть прикажет героем, У нас героем становится любой!» — это не что иное, как тема «простой человек становится героем», введенная в сталинской речи 17 ноября 1935 года. Особенно хочется подчеркнуть, что не важно, когда, после или до сталинской речи начали появляться подобные песни, сознательно в качестве откликов на сталинскую речь или нет авторы их писали. Важно то, что после провозглашения 4 мая 1935 года в Кремлевском дворце Сталиным новой задачи она через средства массовой информации была доведена до сведения всего народа, — и тем самым изменила дискурсивное пространство советского общества, в котором вышеприведенный текст не мог не выполнять функции откликов на сталинскую речь.

Кроме вышеприведенной песни еще много песен было создано прямо как отклики на референтные тексты. Например, есть песня под названием «Жить стало лучше» (1937). В песнях, имеющих структуру «нарратива о борьбе», чаще рассказывается о предполагаемой войне (напр. «Конармейская» (1936), «Полюшко» (1934) и т. д.). Как было сказано во втором разделе настоящей диссертации, во второй половине 30-х годов в «нарративе о борьбе» говорилось, что «мы стоим за мир, а враг хочет начать войну»,

т. е. подчеркивалось «наше мирное положение» (см., например, «Если завтра война» (1938)).

Кроме структуры текстов песен необходимо обратить внимание и на повествовательные формы текстов. Во многих текстах песен рассказ ведется от первого лица, причем от коллективного «мы», обозначающего весь народ, «простых советских людей». Исключения составляют только Ленин, Сталин, другие партийные вожди и герои революции. А с другой стороны, с 1937 года стало появляться много песен, в которых действующими лицами являются «я» и «ты». В подобных песнях изображаются простые анонимные лица, которые не обладают сверхчеловеческими силами, не совершают героических подвигов, это простые люди, в образах которых люди могут видеть себя. То есть, в любом случае поющий субъект, или включаемый в коллективное «мы», или отождествляющийся с анонимным «я» или «ты», сам откликается на референтный текст.

Задача данной главы, однако, заключается не (только) в том, чтобы показать поверхностное сходство структуры текстов массовых песен и референтных текстов, а выявить скрытую «идеологичность» песен, которые на первый взгляд кажутся не пропагандистскими. Обратим внимание на два фактора.

Во-первых, во многих песнях 30-х годов описывается родина. Например, в известной «Песне о Родине» (1936) представлен образ «необъятной» советской родины: подчеркивается необъятность страны с указанием на южную и северную стороны, где в качестве ориентиров существуют «Москва» и «Волга». Хочется уточнить, что описание страны делается с высоты птичьего полета, или с картографической точки зрения. В отличие от пространства, рассматриваемого с личной точки зрения, изображаемое с картографической точки зрения пространство рассматрива-

ется не с определенной конкретной, а с трансцендентной перспективой, иначе говоря, любой может разделять эту перспективу. Образ страны, изображаемый с подобной точки зрения, позволяет людям воображать родину как определенный единый образ (см. понятие «воображенное сообщество» Б. Андерсона). Причем воображается некий мифологический образ, символ.

В советских массовых песнях прямо воплощается миф о «Большой семье», где отношение героев к Сталину и другим вождям строится как отношение детей (сыновей) к отцам, и к ним присоединяется мать-Родина. (см. «как невесту, Родину мы любим, бережем, как ласковую мать» в «Песне о Родине», «в строю стоят советские танкисты — своей великой Родины сыны» в «Марше советских танкистов» (1939)). В Родине, изображаемой в песнях, существуют специальные места: «Москва», описываемая, например, как «красавица», «самая любимая» (в «Москве майской» 1937 года), «красотою чаруешь своей» (в «Колхозной песне о Москве» 1938 года), а также «Волга» — как «красавица народная», «свободная» (в «Песне о Волге» 1938 года). На основе подобного образа страны легко предположить, что нападение на страну воспринимается как нападение на родного и близкого человека, что не очень характерно для других жанров в советском дискурсивном пространстве. Отметим также, что «враг» в песнях часто принимает фольклорный образ.

Во-вторых, среди лирических песен 30-х годов есть много песен, которые трудно считать пропагандистскими. Некоторые исследователи даже утверждают, что подобные лирические песни не передают никакой официальной идеологии. Но на самом деле вопрос не такой простой. Вполне возможно, что такие песни тоже включаются в рамки «нарративов о просвещении и борьбе». В качестве примера возьмем песню М. Исаковско-го «Провожанье» 1935 года. В ней изображены только простые, мирные парень и девушка, и трудно видеть в ней какую-нибудь пропагандистскую

цель. Однако, если взять еще две песни того же Исаковского — «Катюша» (1938) и «Огонек» (1942), которые можно считать продолжением «Провожанья», то можно интерпретировать «Провожанье» по-другому. В «Катюше» и «Огоньке» личная тема о любви между парнем и девушкой связывается с государственной темой о войне, т. е. реализуется «сюжет о борьбе». Если вспомнить, что завязка «нарратива о борьбе», развертываемого с середины 30-х годов, подчеркивает «наше мирное положение», то вполне можно рассматривать мирные сцены в «Провожанье» как завязку ряда текстов песен на тему о войне. Таким образом, в дискурсивном пространстве, где прочно укоренился «нарратив о борьбе», идиллическая любовь Коли и Катюши в «Провожанье» не могла не выполнять функцию его завязки, т. е. формировался механизм включения лирических песен в официальное дискурсивное пространство.

Приложение. Риторика во время Великой Отечественной войны

На основе проведенного в предыдущих главах анализа рассматриваются тексты времен Великой Отечественной войны. Прежде всего — текст речи Сталина 3 июля 1941 года. В этой речи Сталин, подчеркивая «миролюбивость» Советского Союза, формирует повествование следующим образом: «злодейский враг неожиданно напал на миролюбивую добрую жертву». То есть Сталин на основе «нарратива о борьбе», формировавшегося в течение 30-х годов, пытается оправдать тот факт, что часть территории страны была захвачена немецкой армией.

Для того чтобы вернуть себе «первоначальное мирное положение», Сталин обращается к народу, чтобы он превратился из «жертвы» в беспощадного к «врагу» «героя». Очень важна следующая фраза в речи: «Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнета-

телей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма». То есть, в данной короткой речи осуществляется большой поворот: «жертва» → «герой» → «спаситель». И тем самым становится возможным определить данную войну как «священную».

Кроме того следует отметить, что в данный «нарратив о борьбе» Сталин внес традиционные националистические элементы. В отличие от предыдущих текстов по «нарративу о борьбе», более или менее касающихся темы о социализме, в настоящей речи социализм отступает на второй план и сменяется образом Родины. Одним примером этого служит дореволюционное христианское обращение в речи «Братья и сестры». Кстати, в речи 7 ноября того же года Сталин упоминает таких исторических героев, как Александр Невский, Димитрий Донской, Кузьма Минин и др.

Таким образом, Сталин в данной речи создал основной референтный текст по поводу войны, который дальше по-разному повторялся и развертывался в других текстах разных жанров.

Анализ около 20 текстов по героям войны, напечатанных в «Большевике» (1941, № 20) обнаружил определенный тип повествования.

Завязка нарратива — сцена, в которой боец попадает в затруднительное положение. Типичный пример — многочисленные враги неожиданно нападают на одинокого героя. Есть еще пример, в котором бойцу становится трудно по неизбежной причине, например, из-за плохой погоды.

В журнальных репортажах все бойцы без исключения превращаются в настоящих героев. В повествовании текстов, для которых должна быть характерной объективная точка зрения, вводится субъективная точка зрения, оценки повествователя (см. оценочные наречия, некоторые глаголы несовершенного вида, означающие «внутреннюю точку зрения» повествова-

теля), даже рассказывается о внутреннем состоянии погибших воинов, о котором никто не мог бы узнать. Таким образом, опыт каждого воина вставляется повествователем в рамки общей риторики того времени, определенной речью Сталина, где представлено превращение жертвы в героя. Такие нарративы не только печатались в газетах и журналах, т. е. в текстах публицистического жанра, но широко были представлены и в иных жанрах, где почти повсеместно «жертва» превращалась в настоящего героя.

Среди многих других жанров речи военного времени особо важное место занимает песенный жанр, а именно, массовые песни и фольклорные песни, которые были в то время особенно популярны. Во многих песнях (например, в «Священной войне» (1941)), частушках и др. реализуются «нарративы о борьбе и о просвещении».

Однако в это же время создавалось много лирических песен, которые на первый взгляд не кажутся имеющими какое-либо отношение к государственным нарративам. В таких песнях чаще всего встречается тема личной жизни. Но и в них можно обнаружить идеологичность, связанную с государственным дискурсивным пространством.

Одна из самых популярных песен военного времени, начинающаяся со слов: *«Двадцать второго июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, нам объявили, что началась война. Кончилось мирное время, нам распрощаться пора...»*, например, — это песня на тему о «разлуке», и в ней трудно разглядеть пропагандистские мотивы. Ее скрытая идеологичность состоит прежде всего в той сцене, в которой парень прощается с девушкой и отправляется на фронт на поезде. Фоном этого является тот факт, что разные районы страны, соединявшиеся между собой поездами и подчинявшиеся системе их расписаний, равномерно вплетаются в государственное пространство. В таком пространстве воины единообразно отправляются на поезде на фронт, а остающиеся в тылу провожают их —

подобная картина бесконечно повторялась в каждом районе. В этом смысле такого рода песня, обладающая универсальностью зрительного охвата, способствует осознанию и подтверждению существования государственного пространства, куда включается каждый индивидуум.

К тому же, в рамках «нарратива о борьбе» с середины 30-х годов, где подчеркиваются миролюбие советского народа и воинственность врага, подобная «грустная» песня подтверждает темы данного нарратива.

Есть также много песен на тему о «диалоге между фронтом и тылом», в том числе и многочисленные частушки и популярные массовые песни: «В землянке» (1942) и «Огонек» (1942). В них мужчина, отождествляя любовь к девушке с любовью к Родине, клянется стать героем. Имеется также много песен, которые женщины пели в ответ на такие «мужские» песни.

Третья важная тема — «скорбь по погибшему». Песни на эту тему, певшиеся с сильными эмоциями, придавали смерти каждого человека возвышенное значение.

Таким образом, нарративы военного времени, главной темой которых является безусловно война с Германией, тесно связываются с личной жизнью, любовью и смертью. Поэтому основные «нарративы о борьбе и о просвещении», формировавшиеся в течение 30-х годов, во время войны легко подтвердились. И можно сказать, что они стали основами дальнейшей риторики, риторики «холодной войны».

Заключение.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Отдельные явления «советского языка» сталинской эпохи следует рассматривать в рамках «дискурсивного пространства», в котором слова Сталина служат «референтными текстами», имеющими структуры «наррати-

вов о просвещении и о борьбе», далее они повторяются, развертываются и поддерживаются другими текстами.

В языке Сталина, для которого характерно максимальное упрощение восприятия текста, часто встречаются разные лингвистические формы «пресуппозиции», а также «пролепсиса», служащие оправданием его утверждений.

Тексты Сталина в качестве референтных текстов середины 30-х годов формулируют и ставят перед народом новые задачи, задачи о подготовке кадров и о борьбе с разными врагами. К тому же, в сталинских текстах есть много фраз, которые потом стали ключевыми фразами («Кадры решают все», «Жить стало лучше» и т. д.).

На референтные тексты откликаются тексты разных жанров, «сверху» и «снизу». Передовая статья газеты — это жанр, в котором партийные власти «сверху» говорят с народом. Для этого жанра характерны строгое соблюдение речевых норм и высокая степень экспрессивности, он адресуется всему народу. В этом жанре оцениваются «референтный текст» и его создатель, трансформируется «референтный текст» («конкретизация», «усиление экспрессивности», «прибавление темы», «цитирование»). Обнаружены следующие типы откликов на референтные тексты: в передовых статьях — «пророческий», «императивный», «констативный», а в личных статьях — «констативный», «перформативный».

Лозунги проявляются в трех типах — констатации, пожелания и призывы. И с точки зрения типов «откликов» на референтный текст лозунги выполняют следующие функции: «отчет», «пророчество», «здравица», «проклятие», «призыв». Это жанр «сверху», и для него характерна сжатость форм выражения. Лозунги лишаются нарративности: часто в отдельных лексических единицах сжимается повествовательная конструкция. В этом смысле лозунг — это жанр, который просто повторяет

идеологическое значение слова, репродуцирует и утверждает нарратив, лишенный нарративности. Таким образом, в лозунге «задача» четко формулируется и повторяется и тем самым приобретает важное значение в дискурсивном пространстве «советского языка», а также номинации, имеющие сильные оценки (такие как «враг» и «герой», и другие идеологемы), прославляющиеся или проклинающиеся, усиливают свое оценочное значение.

Массовая песня — это прежде всего «устный» жанр, важный для периода, в котором начала господствовать письменная культура. Многие песни, представляя страну как прекрасную Родину, в которой располагаются «я» и «ты», и, выражая личные эмоции, раскрывая личную жизнь, повторяют и подтверждают государственные нарративы.

Пересекая подобные жанры, проявляют себя архетипы советской культуры во второй половине 1930-х годов: «герой», «враг», «отец», «мать». Героями являются в основном «стахановцы» и разные рабочие и крестьяне. Им Сталин-отец ставит задачу, газета подробно объясняет ее значение, к ним лозунги обращаются с призывом выполнить ее, и они сами отвечают на призыв. «Враг» характеризуется номинациями «капитализм», «эксплуатация», «нищета», «безработица», «голод», «враг мира», а также такими фольклорными образами, как, например, «черная туча». Архетипом «мать» становится главным образом «Родина», что проявляется в газетных и лозунговых текстах. Но самое типичное проявление архетипа «мать-Родина» наблюдается в массовых песнях.

Само собой разумеется, что на самом деле в советском обществе даже в сталинский период существовали и другие дискурсы, не входящие в рассмотренное в данной диссертации дискурсивное пространство. Исследование по столкновению разных дискурсов, которое уже выходит за рамки данной диссертации, также должно основываться на изучении «советского

языка».

Содержание диссертационной работы отражено в следующих публикациях:

1. Порождающая риторика в «нарративе о борьбе» советского государства: дискурсивный анализ передовых статей «Правды» 1920-х годов // *Studia Semiotika: Journal of the Japanese Association for Semiotic Studies*, No. 18 “Semiotics of Musical Sound and Voice”, Tokyo, 1998, с. 169–179 (на японс. языке).
2. О формировании всегосударственного дискурсивного сообщества в послереволюционной России // *Journal of Language and Information Sciences*, Tokyo University, No. 3, Tokyo, 1998, с. 99–119 (на японс. языке).
3. Значение исследования «советского языка» (рецензия на *Н. А. Купина*, «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции» (1995)) // *SLAVISTIKA*, XIII, Tokyo, 1998, pp. 312–325 (на японс. языке).
4. К типологии «тоталитарного языка»: сопоставительный анализ текстов сталинизма и японского фашизма // *Вторая Зимняя типологическая школа: Международная школа-семинар молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии*, М.: 2000, pp. 84–87 (на англ. и рус. языках).
5. Анализ языка как критика идеологии, или как говорить по-советски: о книге «Живой как жизнь» К. И. Чуковского // *Языковое существование*, № 1, Токио, 2000, с. 41–52 (на японс. языке).
6. Язык утопии // *Еженедельная энциклопедия Асахи «Мировая литература»*, № 72, Токио, 2000, с. 57 (на японс. языке).
7. Поэтика советских лозунгов // *European Studies*, No. 1, Tokyo, 2001,

Анализ дискурсивного пространства «советского языка» во второй половине 1930-х годов: Автореферат диссертации на соискание ученой степени Doctor of Philosophy (Arts) (Кэнъитиро Такахаси)

pp. 99–118 (на японс. языке).

8. Советский политический дискурс: поэтика официального дискурса в советской России во время «Великой Отечественной войны» // Н. Ishida & Y. Komori (eds.), Praxis of Language. No. 5 - Politics, Tokyo, 2002, pp. 37–58 (на японс. языке).
9. Социолингвистические исследования по языку советского тоталитарного общества // The Japanese Journal of Language in Society, Vol. 4–2, Tokyo, 2002, pp. 42–56 (на японс. языке).
10. Коммуникация как идеологическая борьба: риторический анализ беседы Сталина и Г. Д. Уэллса // The Japanese Journal of Language in Society, Vol. 6–1, Tokyo, 2003, pp. 40–51 (на японс. языке).
11. К поэтике сталинизма 1930-х годов: опыт дискурсивного анализа одной речи Сталина // Московский лингвистический журнал, № 7–2, М., 2003, с. 101–124 (на рус. языке).
12. Вопросы «советского языка»: теоретические размышления о языке тоталитарного общества // Culture & Language. No. 60, Sapporo, 2004, pp. 173–222 (на японс. языке).
13. Порождение «поющей общины»: политика советских массовых песен 1930-х годов // The Sapporo University Journal, Sapporo, 2004, No. 17, pp. 51–86 (на японс. языке).